

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА «ОБЩЕСТВА РИСКА»

Рагозин Н.П.

Донецкий национальный технический университет

Социально-философская и социологическая теория все большее внимание уделяет феномену риска, которым отмечена как жизнедеятельность человека в современном обществе, так и функционирование его систем. Слово «риск», которое первоначально входило в лексикон мореплавателей [1, с.41], к настоящему времени необычайно расширило сферу своего функционирования и обретает статус понятия, без которого уже невозможно обойтись при анализе современного общества.

По наблюдениям американской исследовательницы М. Дуглас, феномен риска превращается в общественно значимую модель поведения людей в ходе становления капиталистического общества [2]. Эта модель поведения осмысливается и соответствующим образом концептуализируется вначале в специфических сферах деятельности – страховании возможных убытков от рискованных бизнесов и судебном-правовом определении ответственности за нанесенный ущерб. В статье Теодора Лоуви убедительно показано на примере образцовой страны «свободного рынка», что существование бизнес-рисков опирается на целый ряд институциональных механизмов, гарантирующих безопасность ведения предпринимательской деятельности и перекладывающих ответственность за нанесенный бизнесменом ущерб либо на пострадавшего, либо на плечи всего общества [3, с. 253-267]. Наблюдения и анализ этих авторов позволяют заключить, что риск в капиталистическом обществе возникает на базе институционального оформления разнообразных систем обеспечения безопасности, начиная с безопасности предпринимательской деятельности и заканчивая созданными позднее различными системами страхования (личного имущества, жизни и здоровья, от несчастных случаев и безработицы, медицинского и пенсионного страхования, система защиты прав потребителей и т.п.). Развитие индустриального общества и возникновение в его функциональных системах сложных социотехнических комплексов привело к созданию специальных систем безопасности – противопожарной, санитарной, экологической, технической и т.п.

В самом общем виде риск может быть определен как действия субъекта в опасной ситуации, которую надеются преодолеть, хотя

успех этого предприятия не гарантирован. Таким образом, риск – это действия, направленные на возможное преодоление опасности. При этом, рискованное действие, не будучи гарантированно безопасным, само является опасным, оказывается «зараженным» опасностью, которая охватывает как действие, так и бездействие.

Как отмечает российский автор В. Зубков, «во второй половине XIX – начале XX века в связи с накоплением знаний о вероятностном характере ряда общественных, технических и природных процессов риск попадает в поле зрения и других наук, и, прежде всего, прикладной математической статистики» [1, с.13]. Во второй половине XX века проблема риска привлекает внимание еще более широкого круга научных дисциплин. По оценке В. Зубкова, всего в исследовании различных аспектов риска оказалось вовлечено более 20 научных дисциплин. Это свидетельствует и о степени распространенности в современном обществе феномена риска, и об актуальности его исследования.

Риск изучается в самых разных аспектах, при этом все более настоятельной становится проблема его общего социально-философского осмысления. Общая теория риска не может пониматься как суммативная междисциплинарная теория, объединяющая социальные аспекты рисков, выделенные из частных (технических, естественных, медицинских или психологических) рискологий. Дело в том, что в них исходным пунктом исследования риска является индивид, в то время как социологическая теория должна исходить из общества. Риск уже не может рассматриваться как результат стечения неблагоприятных обстоятельств, вынуждающих принимать человека чреватые опасностью решения, или же рассматриваться как следствие авантюрной природы человека, которая толкает его на поиски опасностей. Общая теория риска должна понять его как результат (этап или фазу) функционирования самой социальной системы, осмыслить социальную сущность риска, т.е. понять социальные законы его производства в современном обществе.

Крайне важной задачей является определение общих принципов социально-философской теории риска. Мы полагаем, что эти принципы можно сформулировать, опираясь на существующий исследовательский опыт. В настоящее время при обсуждении общей теории риска в качестве ее первых вариантов рассматриваются работы М. Дуглас, Э. Гидденса, Н. Лумана и У. Бека. В настоящей статье на основе анализа работ данных авторов мы стремимся выделить общие принципы социально-философского исследования риска.

Никлас Луман: методологическо-эпистемологическая прелюдия к теории риска. Сразу скажем, что мы согласны с оценкой О. Яницкого, который пишет: «Луман, ...не предлагает законченной социологической теории риска. ...Луман пытается поставить социолога не в положение критика современного общества, вошедшего в эпоху глобального риска, а в положение компетентного эксперта, помогающего обществу вернуть утраченное состояние «нормальности»» [5, с.15]. Нам представляется, что Луман именно потому и не смог предложить законченной теории риска, что он занял позицию эксперта, а не критика.

Теоретико-методологические импликации различий этих двух позиций заключаются в том, что «эксперт» недостаточно радикально ставит вопрос о природе риска в современном обществе, рассматривая его как исправимую аномалию, в то время как «критик» рассматривает риск как проявление кризиса основ современного общества, делающих проблематичным его дальнейшее существование. «Эксперт» как фигура идеологически и политически нейтральная, вещающая от имени науки и с точки зрения современной «рациональности», предлагает свои заключения, предназначенные для защиты существующего положения вещей. Тем самым, он вольно или невольно становится апологетом статус-кво. Разнообразие и масштабность рисков, с которыми сталкивается современное общество, свидетельствует о том, что их нельзя преодолеть с помощью паллиативных решений, предлагаемых экспертами, равным образом, как их заклинания уже не оказывают успокаивающего действия на общество.

Ход лумановской мысли о способе создания социологической теории риска достаточно ясно представлен в следующем рассуждении: «Она (социология – авт.) не может наблюдать общество извне, она оперирует в обществе; и именно она-то и должна была бы это знать. Она может посвятить себя модным темам, поддерживать движения протеста, описывать опасности современной технологии и способы их измерения или предостерегать против необратимого ущерба, наносимого окружающей среде. Но то же самое делают и другие. Социология должна была бы добавить сюда теорию селективности всех общественных операций, включая и наблюдение этих операций и даже те структуры, которые детерминируют эти операции. Тогда с точки зрения социологии... тема "риск" относилась бы к теории современного общества и несла бы на себе отпечаток ее понятийного аппарата. Но такой теории не существует...» [6, с.138].

Социология, согласно этому способу мысли, не должна искать позицию, которая бы отражала тенденции развития, выводящие за пределы современного общества. Она может обсуждать «модные темы», заигрывать с движениями протеста и т.п., но ее действительное предназначение – двойная рефлексия: наблюдение за тем, как она «оперирует в обществе» (при этом, очевидно, предполагается, что общество является закрытой системой) и как она себя самой себе представляет («самореференция»). Понимаемая таким образом социология явно страдает комплексом *нарциссизма*, в силу чего ждать от неё серьезных прорывов в понимании рисков в современном обществе не стоит.

Наблюдение второго порядка, с помощью которого Луман пытается найти исходное понятие риска, способно в лучшем случае очистить и упорядочить материал первичного наблюдения. Это – предварительная, подготовительная стадия исследования. Само же исследование риска начнется тогда, когда мы начнем распутывать причины разрывов социальной ткани, которые создают угрозы безопасному существованию общества и понуждают индивидов к преодолению опасностей (рisku).

Культурологическая теория риска Мэри Дуглас. М. Дуглас исходит из того, что феномен риска следует объяснять культурой общества. Культура понимается Дуглас как «некоторая система, состоящая из личностей, которые считают друг друга взаимно вменяемыми и ответственными». В этой системе человек «пытается жить, придерживаясь известного уровня ответственности», который приемлем для него и сравним «с уровнем ответственности, на котором он хотел бы держать других людей» [2, с.251]. С этой точки зрения, по мнению Дуглас, «культура предстает наполненной подразумеваемыми политическими предпосылками взаимной ответственности» [2, с.251].

В традиционном обществе культурными регулятивами поведения людей служили идеи *табу* и *греха*, которые разграничивали дозволенное и недозволенное, безопасное и опасное. В современном обществе такую же роль играет идея риска. «По сути, - считает Дуглас, - риск обеспечивает мирские термины для переписывания одной из заповедей писания: не грехи отцов, но "риски", высвобожденные отцами, падут на головы их детей, вплоть до двенадцатого колена» [2, с.245]. Так же, как риск, категории *греха* и *табу* предостерегают от будущих поступков, которые могут нести опасность.

Но, несмотря на сходство, риск отличается от греха и табу. Во-первых, тем, на защиту чего они направлены. «Риторика в категориях

греха и табу чаще используется, чтобы поддержать сообщество, уязвимое для дурного поведения индивида, в то время как риторика в категориях риска поддерживает индивида, уязвимого для "дурного поведения" сообщества» [2, с.248]. Во-вторых, сферой применимости. Если табу и грехи были регулятивными категориями в небольших замкнутых общинах, то риск может использоваться в большом и «гомогенизированном» в культурном отношении обществе. В-третьих, если табу и грехи принимаются на веру и не подлежат дискуссии, то понятия риска и опасности рождаются в публичном диспуте, в ходе которого оппоненты пытаются защитить свою позицию и обвинить своих противников, привлекая мнения экспертов для определения степени риска [2, с.249]. При этом каждая сторона привлекает «своих» экспертов, в результате чего научное знание релятивизируется и теряет свой авторитет в обществе.

Исходя из этого, М. Дуглас считает: «Поэтому культурный диалог лучше всего изучать в те моменты, когда он приобретает характер судебного. Понятие риска выходит на поверхность как ключевая идея новейших времен, благодаря его применению в качестве судебного механизма» [2, с.244]. Проще говоря, идея риска в современном обществе – это политико-правовой механизм защиты индивида от посягательств власти.

В культурологической теории риска не обсуждается реальность опасностей и рисков в современном обществе. Речь идет о способах их восприятия и использования в социальных взаимодействиях: «Заметим, что реальность опасностей как таковая здесь не оспаривается. Опасности ужасающе реальны в обоих случаях: и современном, и досовременном. Мы рассуждаем не о реальности опасностей, но об их политизированных формах» [2, с.248]. Пожалуй, этим отрывком исследования восприятия опасности от исследования самой реальной опасности можно объяснить явственно ощутимый привкус релятивизма в культурологической теории риска.

Теория рефлексивной модернизации и концепция «общества риска». Социологическая онтология риска разрабатывается в рамках теории рефлексивной модернизации и связанной с ней концепции «общества риска». В качестве ее наиболее видных представителей обычно называют Энтони Гидденса и Ульриха Бека. Но, как нам представляется, Гидденса более занимает концепция рефлексивной модернизации, а теория риска для него имеет факультативное значение. Несмотря на то, что он рассматривал проблему риска в книгах «Последствия современности» (1990), был участником инициированной У. Бекон книги-диспута трех авторов – Бек У.,

Э. Гидденс, С. Лэш «Рефлексивная модернизация» (1994), а также посвятил этой проблеме главу в книге «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» (1999), тем не менее, в его фундаментальной работе «Устроение общества: Очерк теории структуризации» и не менее известном учебнике социологии понятие риска не упоминается в глоссариях и эта проблематика не отражена в разделах этих книг.

Нам представляется, что риск для Э. Гидденса является важным индикатором процессов модернизации современного общества, но не критической проблемой, обнажающей кризис основ современного общества. С одной стороны, Гидденс как бы признает принципиальное значение проблемы риска для понимания современного общества. Он пишет: «Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего» [7, с.109]. С другой стороны, он успокаивающе заявляет: «То внимание, которое уделяется риску в современной социальной жизни, не связано непосредственно с реальным усилением грозящих жизни опасностей» [7, с.111].

Гидденс выделяет два вида рисков: внешний риск, «причина которого лежит вне нас самих: она связана с неизменными традициями или законами природы» и рукотворный риск, связанный с нашим познанием и преобразованием окружающего мира [8, с.43]. Современное общество переживает поворотный момент в своей истории: если прежде нас беспокоило то, «что может сделать с нами природа», то теперь нас беспокоит то, «что мы можем сделать с ней» [8, с.44]. На смену преобладанию внешнего риска приходит господство рукотворного риска.

Если прежде внешние риски воспринимались как рок, фатум, перед лицом которых человек обращался к оракулам или искал расположения божественных сил в поисках выхода из опасностей, то теперь «на помощь призываются эксперты» [7, с.111]. Человек собственными руками разрушил «онтологическую безопасность» и сотворил «роковые моменты», понимаемые Гидденсом как «время, когда обстоятельства сходятся таким образом, что человек оказывается как бы на перепутье своего существования, или когда человек узнает нечто, имеющее для него судьбоносное значение» [7, с. 10]. Но судьба эта уже не задана и ничем не гарантирована. В эти моменты человек ищет социальной поддержки, «общей судьбы» с другими индивидами, которую он может представить в основном рефлексивно. Такие поворотные моменты остро ставят перед

человеком проблему самоидентичности, которая решается в рефлексивном (*ре-*) конструировании традиции.

В «Ускользящем мире» Гидденс пишет о конструируемых традициях современного общества, как тех «коконах безопасности», в которые пытается укрыться человек. В результате непредсказуемым становится не только будущее, которое человек дерзко намеревался «колонизовать» и подчинить своей воле, но и прошлое, которое замещается квази-традициями.

Безусловно, эти социологические наблюдения представляют интерес и важны для характеристики современного общества. Мы на собственном опыте имели возможность убедиться, что непредсказуемым в нашем мире становится не только будущее, но и прошлое. Но рефлексивная теория риска Гидденса не указывает пути дальнейшего развития нашего мира и ограничивается анализом некоторых аспектов его наличного состояния.

Более глубоко и принципиально проблему риска в современном обществе ставит У. Бек в известной книге «Общество риска. На пути к другому модерну» (М., 2000).¹ Прежде всего, он отмечает, что прежняя система безопасности, существовавшая в капиталистическом обществе, уже не работает: «...с середины этого века социальные институты индустриального общества столкнулись с исторически беспрецедентной возможностью уничтожения всей жизни на планете в результате принятия определенных решений. Это отличает нашу эпоху не только от ранней стадии индустриальной революции, но и от всех прочих культур и общественных форм...» [8, с.165]. Перед столь глобальной и радикальной угрозой институты современного общества совершенно беспомощны [См.: 8, с.165]. Эти угрозы ставят под вопрос социальную и политическую стабильность общества, которая сохраняется только благодаря отказу от обдумывания последствий [8, с.166].

Таким образом, проблема риска у Бека ставится более четко и исторически конкретно. Если Гидденс связывает ее с более общей проблемой отношения природы и общества, то Бек помещает ее в контекст смены этапов в развитии современного общества – на переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, который он именуется рефлексивной модернизацией. В этом же исторически конкретном контексте у Бека рассматривается и изменение характера взаимоотношений общества и природы.

Принципиальный сдвиг в масштабе и характере угроз в обществе эпохи рефлексивной модернизации Бек резюмирует в

---

¹ Анализ понятия «другого модерна» в концепции У. Бека см.: [9, с. 34-42]

четырёх параметрах разрушения прежней системы безопасности индустриального общества.

Во-первых, глобальные риски часто связаны с непоправимым ущербом, который уже нельзя ограничить и нельзя возместить (компенсировать). «Во-вторых, в случае смертельных глобальных угроз исключены действенные меры предосторожности на основе предвидения последствий "наихудшего мыслимого бедствия"; это подрывает идею безопасности, обеспечиваемой "предупреждающим отслеживанием результатов". В-третьих, само понятие "бедствие" утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым смысл. ... Но ведь это и подразумевает потерю меры нормальности, утрату процедур измерения и, следовательно, реальной основы для расчета опасностей: сопоставляются друг с другом несравнимые сущности, и расчет, исчисление оборачиваются лишь затемнением рассудка» [8, с.165].

Наконец, в-четвертых, «некалькулируемость» последствий и размеров угроз выявляется в недостатке ответственности за них: в сфере мегарисков принцип «загрязнитель платит» становится «крайне сомнительным и парадоксальным» [8, с.165].

Такая метаморфоза рисков, по мнению Бека, требует признать, что риск отныне находится в самой основе строения и функционирования современного общества, которое может быть названо «обществом риска». В доказательство этого тезиса У. Бек приводит следующие аргументы:

1. «В развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается производством рисков» [10, с.21]. Общество риска – это фактически новая парадигма общественного развития. Ее суть в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключающаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков.

2. Производство рисков – мощный фактор перестройки социальной структуры общества по критерию *степени подверженности рискам*. Это означает, что в обществе складывается новая расстановка политических сил, в основе которой лежит борьба за определение, что *рискогенно*, а что – нет.

3. Если нормативным идеалом прошлой эпохи было равенство, то нормативный идеал общества риска – безопасность. Социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер: не достижение «хорошего», как ранее, а предотвращение

«наихудшего». Система ценностей «неравноправного общества» замещается системой ценностей «небезопасного общества», а ориентация на удовлетворение новых потребностей – ориентацией на их самоограничение.

4. Если индустриальное общество было ориентированно на труд, то теперь «массовая безработица интегрируется через новые формы «многообразной неполной занятости» в систему занятости – со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами» [10, с. 15]. Традиционная классовая и профессиональная структура размывается, но взамен в обществе риска возникают новые социальные силы, взламывающие старые социальные перегородки. Появляются новые социальные противоречия между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду», между теми, кто «производит риски, и теми, кто их потребляет» [10, с.56]. Бек полагает, что возникают общности «жертв рисков» и их солидарность может породить мощные политические силы.

5. Формируется институт экспертов, приобретающий самодовлеющее политическое значение, поскольку именно он определяет, что и насколько опасно. Эксперты превращаются в элиту, третирующую остальное население как алармистов-непрофессионалов, подрывающих общественный порядок. Разделение общества на экспертов и всех остальных вызывает у граждан стойкую реакцию недоверия к науке и технологической сфере. В результате наука как социальный институт разделяется на две сферы: академическую или лабораторную (науку фактов) и науку опыта, которая основывается на публичных дискуссиях и жизненном опыте.

6. Размываются границы политики. «Формально существующие права и компетенции на принятие решений истончаются. Политическая жизнь в изначальных центрах формирования политической воли теряет содержательность, грозит окостенеть в ритуалах» [10, с.293]. С одной стороны, официальная политическая система сталкивается с последствиями научно-технических решений, которых она не принимала, но вынуждена оправдывать и легитимировать ссылками на священный идол прогресса; с другой – все больше новых общественно-политических сил и движений предпринимают политические действия за пределами официальных политических арен. Одновременно на международной арене возникает новое международное неравенство, поскольку существует «постоянное взаимное «притяжение» между крайней бедностью и крайним риском» [10, с.49].

Таким образом, У. Бек предлагает нам действительно целостную концепцию «общества риска», охватывающую все его стороны. Ведущей идеей этой концепции является мысль о том, что современное общество вступило в фазу полной перестройки своих основ. Эта рефлексивная перестройка основ индустриального общества, тем не менее, мыслится Бекком лишь в горизонте его дальнейшего существования в обновленном виде. Он полагает, что «другой модерн» в основе своей будет тем же модерном: «Вместе с тем распространение и умножение рисков ни в коей мере не порывает с логикой развития капитализма, а, скорее, поднимает эту логику на новую ступень» [10, с.26]. Стало быть, несмотря на все потрясения, у этого *нового-старого модерна* есть будущее: если защититься от политического потенциала катастроф «общества риска» и овладеть им, то это может привести «к реорганизации власти и компетенции» [10, с. 27].

Концепция «общества риска» У. Бека обладает большим эвристическим потенциалом. Она предполагает комплексный, системный анализ общественного производства рисков в современном обществе.

Подводя итоги, сформулируем те общие принципы, которые, как показывает исследовательский опыт, должны лежать в основании теории «общества риска»: 1) общая теория не является суммой частных рискологий, частные теории должны быть производными от общей теории; 2) общая теория должна вскрыть необходимый характер производства риска в современном обществе, связанный с кризисом его основ, разрушением систем обеспечения безопасности и самовоспроизводства общества; 3) общая теория должна быть комплексной, она обязана проследить все следствия производства рисков в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества; 4) анализ кризиса основ современного общества должен иметь исторически конкретную спецификацию: риски постиндустриального общества следует отличать от рисков доиндустриального общества, от рисков индустриализирующегося и деиндустриализирующегося обществ; 5) теория общества рисков должна быть критической, а не «экспертной», апологетической.

Литература

1. Зубков В. Социологическая теория риска. – М.: РУДН, 2003. - С.245.
2. Дуглас М. Риск как судебный механизм / М. Дуглас // ж. THESIS, 1994, вып. 5. – С. 242-253.

3. Лоуви Т. Риск и право в истории американского государства / Т. Лоуви // ж. THESIS, 1994, вып. 5. – С. 253-267.
4. Яницкий О.Н. Социология риска – М.: Издательство LVS, 2003. – 190 с.
5. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // ж. THESIS, 1994, вып. 5. – С. 135-160.
6. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // ж. THESIS, 1994, вып. 5. – С. 107-134.
7. Гидденс Э. «Ускользящий мир»: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 117 с.
8. Бек У. От индустриального общества к обществу риска /У. Бек // THESIS. – 1994. - Вып. 5. – С. 161-168.
9. Тищенко П. Ответственность и риск в эпоху «другого модерна» / П. Тищенко // Логос. – 2006. - №4 (55). – С. 31-43.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.